

Александр Сергеевич, вся ваша жизнь связана с музыкой. Сейчас вам приходится вникать в проблемы культуры в целом, хотя, безусловно, вы не могли о них не знать и раньше. Тем не менее какие-то открытия для себя сделали?

- Меня поразило, насколько по-разному обстоят дела в регионах. Где-то на культуру выделяется до 17 процентов местного консолидированного бюджета, где-то - 0,22 процента. А при активно идущем сейчас процессе передачи объектов культуры - библиотек, музеев, учебных заведений - из федеральной собственности в муниципальную такой разброс имеет особое значение. Если не будем его учитывать, непродуманными действиями мы рискуем в ряде случаев катастрофически ухудшить положение этих учреждений и их работников, вызвав социальное напряжение.

- Недавно вышел президентский указ о формировании в системе министерства федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Что это меняет в решении задач, стоящих перед вверенной вам структурой?

- Теперь в нашем министерстве есть все три звена, предусмотренные административной реформой. А именно: само министерство как координирующая структура; федеральные агентства по культуре и кинематографии во главе с М. Швыдким, по печати и средствам массовой информации во главе с М. Сеславинским, по архивной деятельности во главе с В. Козловым; федеральная служба, контролирующая эффективность и законность деятельности в области культуры и СМИ. Без этого последнего звена невозможно следить за сохранением особо ценных объектов культурного наследия, за сбережением и приумножением фондов музеев, библиотек, архивов, за судьбой культурных ценностей, перемещенных во время Второй мировой войны. Сюда же входит работа по регистрации и лицензированию СМИ.

- Не секрет, что на Западе, да и в отечественных либеральных кругах не устают говорить о пресловутом вмешательстве государства в деятельность СМИ. Возможно, это связано с тем, что государство и пресса до сих пор не смогли правильно выстроить свои отношения.

- На самом деле единственно верного рецепта таких отношений не существует. Вопрос решается по-разному в зависимости от социальной, нравственной зрелости общества, его экономического, культурного развития. Укрепляюсь в мысли, что проблема должна стать и предметом широкой полемики, в ходе которой люди, знающие предмет и понимающие меру своей ответственности, могли бы прийти к согласной точке зрения. А вот продолжать противоборство бесперспективно. Такой круглый стол или симпозиум, надеюсь, будет скоро устроен. Моя точка зрения: ответственность государства за работу прессы необходимо материализовать. То есть в печати, телерадиовещании следует поддерживать определенные приоритетные направления. Например, через гранты, которые бы выдавались на конкурсной основе.

- И какие же направления вам видятся приоритетными?

- Скажем, патриотическая тематика, в том числе связанная с грядущим 60-летием Победы в Великой Отечественной войне. Или обращение к детской аудитории. Здесь без поддержки государства вообще не обойтись. Не секрет: сегодня в деятельности многих СМИ по целому ряду вопросов преобладает бизнес-подход. Газета или телеканал прямо говорят: что мы будем иметь с освещением того или иного события? Практическая сторона, безусловно, очень важна. Но существует и другая, возможно, более важная - что общество в целом будет иметь в результате тех или иных акций прессы? При бизнес-подходе такая гуманитарная постановка вопроса выглядит наивной. А для государства - соответствует его конечной цели: процветанию страны, народа.

Конечно, говоря об ответственности государства, я имею в виду отнюдь не цензуру и не квоты на тематику. Я выступаю за максимально широкие общественные консультации, после которых только и можно предлагать какие-то проекты государственных решений.

- Хочу вернуться к теме, которую вы уже затронули, - о приватизации памятников. Многие госчиновники поддерживают эту идею. Понять их можно: средств на содержание объектов не хватает. А вот музейщики относятся к перспективе приватизации более скептически.

- Очень многогранная проблема! Начать с того, что мы имеем в виду под памятником. Одно дело, когда речь, скажем, об историческом здании, находящемся в рекон-

Прошло четыре месяца, как Министерство культуры и массовых коммуникаций возглавил Александр Соколов, прежде - ректор Московской консерватории. Понятно, от нового человека всегда ждут перемен. Какими они будут?

Александр Соколов:

КУЛЬТУРА - ЭТО НЕ ВЕДОМСТВО, А СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

струируемом столичном квартале, и другое - о бревенчатом полуразрушенном срубе, затерянном среди дремучего леса... Из-за сложности вопроса мы даже перенесли заседание правительства о сохранении культурно-исторического наследия с мая на октябрь. Я работаю в тесном контакте со Счетной палатой, с Комитетом по культуре Государственной думы, с администрацией Москвы, Санкт-Петербурга...

- Еще одна тема, находящаяся на острие общественного внимания, - реституция, то есть возвращение перемещенных в результате войны ценностей. Не секрет, что позиция прежнего руководства Министерства культуры, в том числе по так называемой Бременской коллекции, зачастую вступала в противоречие с позицией Комитета по культуре Госдумы, да и с общественным мнением.

- Хочу подчеркнуть, что это проблема не только нашего министерства и его федеральной службы, но и министерств юстиции, иностранных дел, Госдумы, как вы правильно сказали. Вопрос деликатный, связанный с международным правом, но я обещаю, что активность в его разработке будет высокой. В настоящее время Бременская коллекция находится в России. Моя личная позиция и не только в решении ее судьбы: совесть плюс здравый смысл.

- К числу «зависших» относится и вопрос о законодательной поддержке меценатства.

- Соответствующий законопроект разрабатывается, но сложность в том, что он не может существовать отдельно от законодательного решения целого ряда вопросов. Вот в Белоруссии закон приняли, однако его продуктивность минимальна. Даже сенаторы из Италии, где вся страна - памятник культуры, в беседе со мной сетовали на неэффективность национального законодательства о меценатстве. Нужен целый пакет законов, подготовленных с учетом международного опыта. Работа такая уже ведется.

- В нашей стране главным меценатом традиционно было государство. Один из подходов к господдержке искусства много

лет отстаивает режиссер Марк Захаров: помогать необходимо только самым мощным, творчески продуктивным коллективам. Другой основан на уравниловке: все поделить.

- Истина скорее всего посередине. Если взять президентские гранты, то Марк Анатольевич, безусловно, прав. Такой грант должен со всей очевидностью показать обществу, кем и чем на сегодня гордится Россия. Подчеркиваю - сегодня. В стране много художественных коллективов со славной историей, но любой из них - живой организм, который может и болеть, и умирать, и впадать в летаргический сон. А вот если, например, театр фонтанирует идеями, в нем есть преемственность поколений и молодежь творчески развивает школу, традиции - такой коллектив достоин президентского гранта. Думаю, первый опыт вручения президентских грантов показателен: их получили два лучших музыкальных театра, Большой и Мариинский, три лучших симфонических оркестра, две лучшие консерватории. Теперь по этому же принципу следует называть лучшие коллективы в сферах народного творчества, драматического театра. Нельзя забывать и о таких знаковых для нашей культуры формированиях, как Краснознаменный ансамбль или оркестр МВД, востребованные в мире, может быть, даже больше, чем у нас в стране... Но кроме президентских есть и другие гранты, которые вручают, как говорят, «в акцию», то есть на конкретную театральную постановку, научную конференцию и т.д. В этом случае мы имеем право на определенный риск и можем поддержать, скажем, очень молодой, но подающий надежды коллектив.

- Ну а тем, кто гранты уже получил, надо отойти в сторону, уступить место под солнцем другим? И готовиться к тому, что вскоре, возможно, снова придется затянуть пояс?

- Концепция дальнейшего финансирования пока не до конца разработана. Могу высказать лишь свое мнение... Лишить коллектив того финансового уровня, на который он вышел с помощью гранта, - зна-

чит фактически поставить под удар всю его работу. Что, например, произойдет с симфоническим оркестром, у которого через три года кончатся выделенные деньги, а новых нет? Его музыканты перейдут в тот оркестр, который получит следующий грант. Таким образом мы разрушим коллектив, который воссоздать окажется очень сложно - ведь оркестр формируется десятилетиями. Нужен сильный дирижер. Только тогда возникает феномен, скажем, оркестра Мравинского или Светланова... Следовательно, необходима альтернатива президентскому гранту, которая позволит поддержать те коллективы, которые их уже получили. Соответствующие предложения Министерства финансов будут обсуждаться летом.

- Возьмем конкретно Большой театр... Можно ли сказать, что президентский грант пошел ему на пользу, что появились качественные перемены в репертуаре, в творческой работе, уровне артистического руководства? Не секрет: когда сравнивают Большой с Мариинским, говорят - петербургский театр и до гранта был мощным творческим коллективом, а вот московский так и остался на перепутье.

- Кризис Большого все-таки наиболее отчетливо обрисовался не сейчас, а в те годы, когда по не вполне понятным для меня причинам на роль художественного руководителя и главного дирижера был приглашен молодой музыкант из Словакии Петер Феранец. Его профессиональный уровень, творческие амбиции, административные качества не позволяли надеяться на движение театра вперед. Ошибку исправили, но последовала полоса новых, скажу так, неочевидных кадровых решений в вопросах руководства театром. Учитывая подобное прошлое, на мой взгляд, стагнацию Большой все-таки преодолевает, ищет пути развития. Я очень внимательно отношусь ко всему, что происходит в стенах Большого, регулярно бываю на спектаклях. Мы договорились с руководством театра, что основательно побеседуем о репертуарной политике, кадровой ситуации, о реконструкции здания... А потом, возможно, устроим

брифинг с участием журналистов, чтобы обменяться свежими впечатлениями, мыслями. Коллективу ранга Большого критика полезнее дифирамбов. В любом случае надеюсь быть не разрушителем, а соратником в деле укрепления театра.

- Многие серьезные деятели музыкального искусства считают, что укрепление Большого зависит от того, сумеет ли старейший театр страны стать современным...

- Убежден: такие флагманы, как Большой и Мариинский, несут особую ответственность за судьбу национального наследия. Например, «Китеж» Римского-Корсакова - это же русская литургия, воссозданная на оперной сцене. «Иван Сусанин» - основа основ отечественной патриотической оперы. Если флюиды моды в каких-то других случаях уместны, то в этих произведениях режиссерские лженазации режут глаз, воспринимаются как очевидная фальшь. Не боюсь показаться консервативным, но охранительная позиция в данном случае отвечала бы сегодняшней потребности России. Такие произведения в силу особой важности необходимо выносить на пьедестал. Пришло их время. И профанация (сознательно употребляю это резкое слово, к которому в другой ситуации бы не прибег) тут неуместна.

- Что ж, вас бы наверняка поддержала, например, Галина Вишневская, которая, тоже не боясь показаться консервативной, недавно высказалась даже за цензуру на оперных подмостках, дабы не уродовали классику. Она, кстати, выразила большое удовлетворение, что впервые у нас министр культуры - музыкант, и есть надежда на компетентное решение ряда серьезных проблем музыкального искусства... Действительно, прежнее руководство нередко предпринимало субъективные, если не сказать резче, шаги - одно увольнение Евгения Светланова из Госоркестра чего стоит...

- И как музыкант, и как министр хочу выразить большую тревогу за состояние оркестрового дела вообще. Тут не только проблемы финансирования. Например, к сожалению, дирижерская профессия по сути у нас ушла. За Федосеевым и Темирянковым - огромная пауза, и конца ей не видно. Да и откуда ждать смены, если, например, Геннадий Рождественский, замечательный дирижер и педагог, в последние годы в России появляется не часто. Нужны меры, в том числе экономические. Единичные кадровые перемещения и смещения проблему не решат, а лишь ее усугубят.

- Полгода назад мы с вами говорили о предоставлении Большого зала Московской консерватории, самой престижной академической площадки столицы, деятелям от шоу-бизнеса, например, поп-певцу Александру Малинину. Вы тогда сказали, что сама консерватория к подобным концертам непричастна, но не всегда может им противостоять, поскольку они навязаны Министерством культуры.

- Могу подтвердить сказанное, поскольку по-прежнему вовлечен в консерваторскую жизнь и до выборов нового ректора еженедельно провожу заседания ректората. Однако уже в ближайшее время на ученый совет будет вынесен проект концепции концертной деятельности консерватории, который гарантирует в будущем чистоту музыкально-экологической среды в этих стенах - так что никакая посторонняя организация посягать на них уже не сможет.

- Знаю, одно из самых любимых ваших мест - сельский дом вашего деда, писателя Соколова-Микитова, где вы не только проводите досуг, но и в тиши уединения пишете исследования о современной музыкальной жизни, о психологии композиторского творчества XX века... И в этом старом бревенчатом доме нет ни телефона, ни телевизора...

- Действительно, нет и не появляются. Беда лишь в том, что я там теперь почти не появляюсь. Но это нормально. При моей нынешней должности пауза в собственном научном творчестве неизбежна. Хотя только что отправил в редакцию вычитанную корректуру новой книги, которая, надеюсь, скоро выйдет из печати. Но чего я себе никогда не позволю - так это оторваться от педагогической деятельности. В мае продолжил чтение лекций в консерватории, с осени возьму дипломников - ко мне в класс уже подано несколько заявлений. А вот на семью времени катастрофически не хватает. Я теперь гораздо меньше бываю дома - как это может понравиться родным? Но тем ближе мы друг к другу в то время, которое удается провести вместе. Младшая дочка - она, впрочем, уже без пяти минут школьница - удивила меня детским вопросом: «И как же ты, папа, согласился стать министром?»

Беседу вел Сергей БИРЮКОВ